

Столыпинский
вестник

Научная статья

Original article

УДК 37

ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

TSARSKOYE SELO LYCEUM IN THE SYSTEM OF RUSSIAN IMPERIAL
UNIVERSITIES

Патов Николай Александрович, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор Общества с ограниченной ответственностью «Издательство «Профессиональное образование», исполнительный директор

Patov Nikolay Alexandrovich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Limited Liability Company "Publishing House "Vocational Education", Executive Director

Аннотация. Традиционно уникальность Царскосельского (Императорского Александровского) лицея связывается в общественном сознании с личностью «главного» лицейского выпускника, Александра Сергеевича Пушкина. Тем самым дается понять, что свою задачу это учебное заведение выполнило уже в течение первых шести лет существования, а последовавшие за пушкинским выпуском сто лет лицейской истории являются своеобразным анахронизмом, «холостым ходом». Очевидно, тем не менее, что в действительности все было вовсе не в такой сиематической категории. Об этом говорит, прежде всего, значительное число выдающихся государственных и

общественных деятелей, а также деятелей культуры, воспитанных в стенах Лицея.

Annotation. Traditionally, the uniqueness of the Tsarskoye Selo (Imperial Alexander) Lyceum is associated in the public consciousness with the personality of the "main" lyceum graduate, Alexander Sergeevich Pushkin. Thus, it is made clear that this educational institution has fulfilled its task already during the first six years of its existence, and the hundred years of lyceum history that followed Pushkin's graduation are a kind of anachronism, "idling". It is obvious, however, that in reality everything was not at all in such a semiotic category. This is evidenced, first of all, by a significant number of prominent government and public figures, as well as cultural figures, who were brought up within the walls of the Lyceum.

Ключевые слова: Императорский Александровский лицей, царскосельский лицей, Пушкин А.С., учебное заведение.

Keywords: Imperial Alexander Lyceum, Tsarskoye Selo Lyceum, Pushkin A.S., educational institution.

Сам факт создания в 1811 г. закрытой аристократической сословно-бюрократической учебно-воспитательной институции на территории одной из императорских резиденций был более чем уникален и для современников вообще, и для самих воспитанников Лицея в частности. Недаром А.С.Пушкин писал об этом в своем последнем стихотворении к лицейской годовщине (19 октября 1836 г.): «Вы помните: когда возник лицей, Как царь для нас открыл чертог царицын, И мы пришли.»

Что побудило императора Александра I разделить тишину и обособленность царскосельского Екатерининского дворца со сравнительно небольшой группой подростков, тщательно отобранной при участии самого министра народного просвещения из среды в основном старого дворянства? Почему в дальнейшем, по правилам 1838 г., «на 10 вакансий заслуженных гражданских чиновников» было разрешено принимать в Лицей «сыновей лиц, имеющих чин не ниже 4-го класса» по «Табели о рангах», т.е. отцы таких

абитуриентов должны были иметь чины, начиная от генерал-майора или действительного статского советника? В новом уставе особо подчеркивалось, что все воспитанники, как оплачивающие свое обучение, так и освобожденные от него должны были принадлежать исключительно к сословию потомственному Российскому дворянству, относящегося к 6 и 5 части родословной книги, либо быть детьми военных или статских рангом не ниже генерала. К пятой части книги относились титулованные дворяне-графы бароны, князья и др. Принадлежность же 6 части говорила о том, что представитель этой фамилии принадлежит к роду чьи предки более ста лет служили отечеству, то есть с допетровских времен. Тем самым, надо полагать, осуществлялся набор лиц, в самой крови которых действовал взлелеянный поколениями предков ген государственного и общественного служения. А непосредственная близость к государю вносила в эту генетику служения семейственные черты, отношение к императору, как ко второму отцу. Причем пушкинские трения с Александром I действительно напоминают взаимоотношения отца с трудным сыном-подростком.

Уникальность Царскосельского (Александровского) Лицея подчеркивалась, помимо указанных, целым набором статусных особенностей, закрепленных в соответствующих нормативных актах. Так, например, лишь первые 11 лет своей истории Лицей находился в ведении Министерства народного просвещения. С 1822 по 1843 г. он относился к ведомству военно-учебных заведений, возглавляемому братом императора, а потом перешел в управление IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, позже преобразованного в Ведомство учреждений Императрицы Марии, состоящих под непосредственным Их Императорских Величеств покровительством. Тем самым подчеркивался своеобразный придворный статус Лицея уже не фактом его размещения в царской резиденции (в 1843 г. учебное заведение переехало в Санкт-Петербург и перестало быть Царскосельским), а законодательно и через структурную подчиненность. Примечательно, что когда в конце XIX века обсуждалось возвращение Лицея в структуру Министерства

народного просвещения, против этого выступили как сообщество лицейских выпускников, так и воспитательная часть Лицея. Причем дискуссия об этом стала достоянием общественности.

Вообще, лицейские воспитанники и в период своей учебы, и оставив за спиной стены «альма матер» представляли собой своеобразный элитарный клуб, способный повлиять и на карьеру, и на репутацию каждого из своих членов, схожий с аналогичными корпорациями Кембриджа и Оксфорда, где формируется мировоззрение будущих правителей страны. Это своеобразный клуб особых людей наделенных высокими нравственными принципами, готовые брать на себя ответственность и преданные государству. Этот «клубный статус» определялся, помимо личных связей, «сети друзей», еще и многочисленными лицейскими традициями, начало которым было положено первым «пушкинским» курсом. В мемуарной литературе неоднократно подчеркивалось непреходящее воспитательное значение этих традиций для питомцев Лицея. При этом неременная «оппозиционность», «фрондерство» вовсе не считались обязательной чертой лицейского воспитанника, как утверждали в 1820-х годах недруги Лицея, а в советское время – официальная лицейская историография. Надо сказать, что немногие лицейские революционеры выглядели в глазах однокашников чужаками, подчас нелепыми, а подчас и опасными.

Зато одним из важнейших отличительных качеств лицейских воспитанников стала, начиная с первого «пушкинского» курса, способность к саморазвитию и самообразованию, воспитание в себе мировоззренческих принципов, навык самостоятельного, творческого, «нешаблонного» мышления. Вот что писал об этом в отношении «пушкинского курса», столкнувшегося к тому же с определенной несостоятельностью первого поколения преподавателей Лицея, выдающийся русский литературный критик, автор первой научной биографии А.С.Пушкина, составитель первого научного собрания сочинений поэта и представитель одной с Пушкиным социальной среды П.В.Анненков (1813-1887): «Мы не говорим, чтобы все слышимое лицеистами от профессоров пропадало втуне для всех их, ...мы только представляем общую картину лицея,

оставляя в стороне исключения... А основным правилом было самообразование почти на всей воле учащихся. <...> Бедные натуры лица и покинули его бедными. Что касается до сильных и щедро одаренных личностей, которых там, кроме Пушкина, было тоже очень много, отсутствие правильного учебного курса и науки вообще показало им необходимость начать свое воспитание тотчас по окончании его в школе сызнова. По крайней мере, относительно Пушкина этот факт не подлежит уже ни малейшему сомнению. Добрая часть всей последующей его жизни занята была преимущественно переделкой и дополнением лицейского образования...».

А вот что писал в 1906 г. на страницах «Лицейского журнала» лицеист Е.А.Зноско-Боровский (1884-1954), в дальнейшем – один из первых российских шахматистов с мировым именем: «Итак, первое: необходимо не только изучать то, что читается с кафедры, но и самому читать. Но еще важнее второе. Надо думать о прочитанном, надо критически относиться к новым мыслям и книгам, надо самому перестрадать над созданием известной идеи, надо ее прочувствовать. А то – какая цена идее, не выстраданной? От нее можно всегда и отказаться. <...> Надо, чтобы идея была дорогá для человека, чтобы она была частью его самого, чтобы лишиться ее для каждого было бы бесконечно больно». Именно таким образом предстает перед нами почти столетняя традиция, переходящая в интеллектуальный навык нескольких поколений лицейских воспитанников.

В целом воспитательный принцип Императорского Александровского (Царскосельского) лицея в современных терминах можно охарактеризовать как «лояльную креативность». В стенах лицея создавался сравнительно небольшой по численности, но творческий по своему образу действий и самой жизни кадровый резерв, лично известный государю, несомненно верный ему, и в целом способный в ответственные исторические периоды занять ключевые государственные и общественные должности с тем, чтобы исполнять их компетентно, инициативно и надежно, с уважением к человеческой личности и ее достоинству. Возможно, как раз таких закрытых учебно-воспитательных

учреждений, выпускники которых с их «лояльной креативностью», человеческими качествами и дружескими связями, «цементировали» бы в стране общественное единство не механически, а искренне и прочувствованно, и не хватает современной России?

Еще один аспект лицейской истории, как правило, мало учитывается при исследовании этого педагогического феномена. Лицей, а точнее – старшие классы Лицея, представлял собой учебное заведение университетского типа. Еще при подготовке первой редакции нормативных документов, на основе которых предстояло действовать Царскосельскому лицей, министр народного просвещения А.К.Разумовский отдельно задавал императору Александру I вопрос: «Какую степень должен занимать Лицей между училищами: будет ли равняться с университетами или занимать среднее место между ними и гимназиями?». Император на это отвечал: «[Будет равняться] с университетами». В высочайше утвержденном 12 августа 1810 г. «Постановлении о Лицее» это положение было закреплено в 14 и 16 пунктах: «Лицей в правах и преимуществах своих совершенно равняется с российскими университетами», а также пенсии и квартирные деньги преподавателям и сотрудникам Лицея, их вдовам и детям, назначаются такие же, «как и в отношении к профессорам, адъюнктам и учителям университетским».

Однако в приведенных нормативных положениях фиксируются лишь материально-статусные показатели, уравнивающие Лицей с университетами. Можно было бы вспомнить также, что на протяжении всей лицейской истории в этом учебном заведении преподавало немало университетских профессоров из Петербурга, волей-неволей приносивших с собой университетский дух в стены Лицея. Но в 1810-1811 гг. в Петербурге не было еще университета (он начал работать только в 1819 г.). Следовательно, на протяжении восьми лет единственной университетской институцией российской столицы оставался именно Царскосельский лицей. Таким образом, помимо конкретного служебно-административного статуса, он должен был опираться и на более или менее обобщенно-отвлеченную концепцию университетского образования.

Классическое определение университета было дано в 1945 г. немецким философом Карлом Ясперсом: «Задача университета - поиск истины сообществом исследователей и студентов. Университет является самоуправляющейся корпорацией независимо от того, получает ли он средства для своего существования благодаря фондам, прежней собственности или государству, а свои официальные полномочия - благодаря папским буллам, императорским учредительным посланиям или актам федеральных земель. <...> У него есть своя собственная жизнь, для которой государство оставляет место, проистекающая из непреходящей идеи, идеи наднационального, всеобщего характера... Он требует и ему предоставляется свобода обучения. Это значит, что он должен учить истине независимо от желаний и предписаний, которые могли бы ограничить его снаружи или изнутри. <...> согласно идее университета, являются самостоятельными, несущими за себя ответственность, критически следующими за своими учителями мыслителями. Они обладают свободой учения. Университет - это место, где общество и государство позволяют сознанию эпохи развернуться в наивысшей форме. Там в качестве преподавателей и студентов имеют право собираться вместе люди, профессиональное занятие которых исключительно - постижение истины. <...> Но в то же время власти в государстве и обществе заботятся об университете, так как там закладывается основа для исполнения государственных обязанностей, которые требуют научной подготовки и духовного образования».

Если мы проанализируем определения, данные университету в российских законодательных актах XVIII – начала XIX века, то увидим, что первые из этих определений стоят ближе к началу формулы К.Ясперса, а последние почти целиком воспроизводят ее финальную часть. Так, в именном указе от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии» Петр Великий видит названное учреждение состоящим из университета и собственно академии. При этом университет законодатель характеризует следующим образом: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции (прав искусству), медицины и философии, сиречь до какого состояния оные ныне

дошли, молодых людей обучают...» Как видим, первый российский император представлял себе университет как исключительно преподавательскую корпорацию. В именном указе «Об учреждении Московского университета» от 24 января 1755 г. университет представлен, как созданный «для дворян и разночинцев», чтобы в нем «по примеру европейских университетов», «всякого звания люди» могли «свободно наукою» пользоваться. Такая формула ближе к определению К.Ясперсом «поиска истины» как цели университета. В высочайше утвержденном 5 ноября 1804 г. Уставе Московского университета приведена следующая дефиниция: «Университет есть вышнее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное. В нем приуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы». Здесь налицо петровское представление об университете, как преподавательской корпорации, но в качестве цели деятельности университета назван отнюдь не поиск истины, а подготовка государственных служащих.

С этой последней формулой университета напрямую связано определение сущности и задач Царскосельского лицея, данное законодателем в 1810 г.: «1. Учреждение Лицея имеет целию образование юношества, особенно предназначенного к важным частям службы государственной. 2. Сообразно сей цели Лицей составляется из отличнейших воспитанников, равно и наставников и других чиновников, знаниями и нравственностью своею общее доверие заслуживающих. 3. В Лицее преподаются предметы учения, важным частям государственной службы приличные и для благовоспитанного юноши необходимо нужные». Показательно, что в приведенном нормативном акте в состав лицейской корпорации в первую очередь включены воспитанники, а во вторую – наставники. Такой состав, учитывая приведенное выше определение университета 1804 г. выделяет Царскосельский лицей из современного ему российского университетского сообщества – и сближает с университетскими корпорациями Европы. Показательно, что с годами значение корпорации лицейских воспитанников и выпускников росло, а корпорация преподавателей и воспитателей Лицея как бы «размывалась». Тем более, когда с начала XX века в

качестве воспитателей в Лицей стали преимущественно приглашать его же выпускников. Этот процесс любопытным образом отразился в источниковедческой базе лицейской истории: если мы имеем десятки мемуарных свидетельств об учебе в Лицее, оставленных лицеистами, то воспоминаний лицейских преподавателей практически нет.

Также в приведенной формуле 1810 г. отсутствует какой бы то ни было намек на специализацию лицейских воспитанников, которых предлагается обучать предметам «важным частям государственной службы» приличным «и для благовоспитанного юноши необходимо» нужным. Такая форма обучения называется в литературе энциклопедической. Исследователи подчеркивают также, что она была характерна для университетской системы как XVIII века, когда «университет не создавал специалистов, а давал энциклопедическое образование — на философском, практически полезные сведения — на других факультетах», так и начала XIX века. Подтверждение этому находим в отечественной мемуарной литературе. В частности, в воспоминаниях поступившего в 1813 г. в Московский университет М.А.Дмитриева (1796-1866), племянника поэта И.И.Дмитриева. Мемуарист учился за свой счет и так описал цели своего поступления в университет: «Мы, своекоштные, могли выбирать предметы разных наук, по своему усмотрению. По большей части в этом выборе мы руководствовались указом 1809 года, то есть слушали необходимо те лекции, которые требовались для получения коллежского асессорства, а другие выбирали уже по собственной склонности к той или другой науке. Это представляло большую выгоду в отношении к просвещению вообще. Менее выходило специалистов, но более людей образованных. А так как в России главная цель — служба и, по большей части, не знаешь, в какую попадешь, да потом, в продолжение жизни люди по обстоятельствам, от них не зависящим, переходят иногда из одной службы в другую, то и нельзя специально готовить себя к какой-нибудь одной цели».

Интересно, что тот же мемуарист описал цель воспитания в Благородном пансионе при Московском университете ровно так же, как описывали цели

лицейского воспитания лицеисты всех поколений: создание благоприятствующей дружественной среды, помогающей своим участникам в карьерных и жизненных вопросах. Причем энциклопедическое образование способствовало, как считал М.А.Дмитриев, и сплочению обозначенного дружеского круга: «Возьмем для примера университетской благородный пансион, основанный в 1779 году и существовавший лет пятьдесят на одном прочном основании. Сколько вывел он людей и способных, и полезных отечеству, и заслуживших славу и себе, и России! <...> ...из него выходили и государственные люди, и военные генералы, и судьи, и поэты и писатели! Это оттого, думаю, что воспитание было просто, не заносчиво, что воспитывали людей, а не высших сановников, что образование было общее, а не специальное и что мало жертвовали хвастовству и пустому блеску! Оттуда выходили воспитанники людьми, готовыми на все и, главное, не думающими о себе много, а желающими быть лучшими между равными».

В какой связи подобный энциклопедический сценарий университетского образования находился с педагогическими идеями философов-энциклопедистов XVIII века? В самой непосредственной, как ни странно, поскольку в современной литературе принято связывать с философией просвещения идею исследовательского университета. В 1775 г. один из авторов и вдохновителей знаменитой французской Энциклопедии, движения энциклопедистов, а также знаковая фигура философии просвещения, Дени Дидро (1713-1784), составил по просьбе императрицы Екатерины Великой документ с красноречивым заглавием: «План университета или школы публичного преподавания всех наук». В этом документе французский философ, критикуя как устаревшие исторические университеты Европы, равно как и научную специализацию, предлагает следующую формулу нового энциклопедического университета: «Университет есть школа, двери которой одинаково открыты для всех детей народа, школа, где преподавание ведут оплачиваемые государством лица, которые сообщают ученикам элементарные знания по всем наукам. <...> Я говорю "всех наук", ибо в каждой из наук имеются такие знания, которыми

никак нельзя пренебрегать». Обсуждая учебный план своего нового университета, Д.Дидро предлагает студентов «обучать тому, что полезно для каждого, к какому бы рангу общества он ни принадлежал. <...> Учащийся, у которого не хватит силы и мужества пройти весь курс до конца, покинет университет раньше срока, но все же унесет с собою ряд знаний, могущих оказаться для него полезными». Здесь же, формулируя задачи «публичной школы», которой, несомненно, являлся и Царскосельский лицей, Д.Дидро говорит: «Задачи публичной школы состоят вовсе не в том, чтобы дать человеку углубленные знания какого-либо рода; она должна дать лишь первоначальные сведения по возможно большему числу предметов, причем такие знания, отсутствие коих могло бы оказаться пагубным для людей всех состояний, а для некоторых категорий и постыдным». И чтобы закрепить собственную формулу энциклопедического университета, Д.Дидро в разыгранном им диалоге парирует воображаемые возражения на свой план: «— Так, значит, вы считаете, что университет должен ограничиваться систематическим преподаванием элементарных знаний?»

— Совершенно верно.

— Но ведь этим путем мы наводним общество людьми поверхностными?

— Нисколько. Этим мы лишь разовьем в них стремление стать впоследствии людьми вдумчивыми, если только, конечно, они не уроды и лишены той спеси, которая всегда служит помехой для образованного человека...»

Мало того, в глазах «философии просвещения» университетские автономия и корпоративность выглядели рудиментом, требующим изживания. А подчинение образовательных учреждений государству признавалось желательным и продуктивным. Современная итальянская исследовательница так описывает этот педагогический сценарий: «Конструктивная часть общепросветительской программы была связана с фундаментальной идеей национального образования, понимаемого не как беспорядочное соединение учебных модулей, а как общественный долг. Впервые школа признавалась инструментом реализации морального единства нации, объединяющим

разрозненных индивидов. Впервые государству - и только ему - отводилась руководящая роль в этой важнейшей сфере общественной жизни. <...> Однако речь шла не только о контроле над образованием. В глазах многих просветителей эта проблема была тесно связана с идеей всеобщего счастья: образование должно способствовать более гармоничной организации общества и ставить своей главной целью всеобщее благо. По этой причине школу нельзя доверять частным корпорациям, методы и цели которых слишком разнятся между собой. Напротив, ее следует подчинить центральной власти - естественному гаранту общественного блага». Как видим, лицейский девиз «Для общей пользы» может в свете просвещенческих идей интерпретироваться в духе превознесения государственного контроля над учебным процессом.

Теперь остается обсудить, насколько прочной базой оказалась идея энциклопедического университета в отношении Царскосельского (Императорского Александровского) лицея. Выше мы приводили слова П.В.Анненкова о том, что недостаток получаемых официальным путем знаний привел наиболее даровитых лицейских воспитанников первого поколения к развитию в себе навыка самообразования. Таким образом, можно сделать вывод, что уже этих первых лицейских питомцев сценарий энциклопедического университета не удовлетворял. Недаром знаменитые пушкинские строки «Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь» выглядят своеобразной пародией на проект университета Д.Дидро.

В 1834 г. так называемая Конференция – орган самоуправления Царскосельского лицея как учебной корпорации – выступила с представлением, гласившим: «Хотя Лицей и имеет одинаковые права с университетами, но курс наук в нем не расположен и расположен быть не может по образцу курса университетского, разделенного на факультеты; почему воспитанники Лицея, при выпуске из него, поступая в разнородные отрасли службы гражданской, не взирая на сие, получают в Лицее все образование одинаковое, без усовершенствования себя в науках преимущественнее того или другого факультета, сообразно с тою отраслью гражданской службы, которую изберет

каждый из них по окончании своего воспитания». В результате конференция находила «весьма важным, как для воспитанников собственно, так и для службы вообще, чтобы они не ограничивались только общим курсом Лицея, но, по окончании его», усовершенствовали познания «и в особенности в тех науках, которые, по избранному ими роду службы, будут для них наиболее нужны, например: для назначавших себя служить по министерству финансов в политической экономии и государственном хозяйстве; по министерству юстиции—в правах; по министерству внутренних дел—в науках статистических; по министерству иностранных дел—в языках». Для этого Конференция испрашивала у великого князя Михаила Павловича, главноначальствующего Лицея с 1831 по 1841 г., права для лицейских воспитанников после производства их в классные чины, слушать, в продолжение одного года или двух лет, лекции в одном из российских университетов «по факультету, ими избранному». Вскоре для слушания таких лекций лицейским воспитанникам был определен исключительно Санкт-Петербургский университет.

Высочайше утвержденный 10 апреля 1848 г. Устав Императорского Александровского лицея включал в себя испрошенное в 1834 г. право слушания университетских лекций – и не ограничивал это право только лекциями Петербургского университета. Более того, § 65 этого устава предусматривал: «По окончании университетского курса, воспитанникам производится испытание в Совете Лицея, который сличив отчет в познаниях, приобретенных ими в университете, с результатом окончательного испытания в Лицее, заключает: с пользою ли употреблено ими время, проведенное в университете, и если заключение испытания будет благоприятно, то снабжает их в том свидетельством; если же окажется, что время, данное им на усовершенствование, утрачено было без пользы, то время это исключается из действительной их службы». Таким образом, Лицей, сохраняя за собой университетский статус, неудержимо двигался в сторону специализации, которая приняла свои окончательные формы после унификации нормативной базы Лицея с Университетским уставом 1884 г.

То, что лицейская корпорация еще ранее 1884 г. ощущала себя не только автономной структурой, но и частью университетского сообщества России, было ярко продемонстрировано в 1869 г., в памятном адресе, составленном Лицеєм к 50-летию Санкт-Петербургского университета. В этом документе говорилось, среди прочего: «Императорский Александровский Лицей приветствует Императорский С[анкт]-Петербургский Университет с торжественным днем его пятидесятилетнего юбилея. Сродный Университету по назначению своему, Александровский Лицей тем глубже сочувствует торжеству Университета, что их соединяет, так сказать, родственная связь. В истории Университета не раз встретятся имена профессоров лицейских. С своей стороны Лицей с признательностью называет имена почтенных ученых, которые делили и делят свои труды между кафедрами университетскими и лицейскими».

Таким образом, историю Лицея можно интерпретировать еще и как процесс становления и развития одного из российских университетов, прошедшего путь от учебного заведения энциклопедического типа к общепринятой на рубеже XIX-XX веков форме вузовской специализации. При этом самобытность Лицея всецело сохранялась и приумножалась как воспитательной частью этой школы, так и целым набором специфических дидактических технологий (таких, например, как репетиции), ставших с годами неотъемлемой частью лицейской традиции.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. III. М. – Л., 1950. С. 382.
2. Селезнев И.Я. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 214.
3. Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху / Сост. А.И.Гарусов. Минск, 1998. С. 46-48.
4. Зноско-Боровский Е. О выработке мирозерцания // Лицейский журнал. 1906. №5. С. 193-194.

5. Селезнев И.Я. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. С. 6.
6. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года (ПСЗ). Собр. 1. Т. XXXI. СПб., 1830. №24325, с. 311.
7. Ясперс К. Идея университета / Пер. с нем. Т. В. Тягуновой ; ред. перевода О. Н. Шпарага ; под общ. ред. М. А. Гусаковского. Минск , 2006. С. 36.
8. ПСЗ. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830. № 4443, с. 220.
9. ПСЗ. Собр. 1. Т. XIV. СПб., 1830. № 10346, с. 285-286.
10. Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года (ПСЗ). Собр. 1. Т. XVIII. СПб., 1830. № 21 498, с. 571.
11. Готлиб А. Университет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электронный ресурс] – М.: ИДДК; Мультимедиа-издательство «Адепт», 2002.- 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
12. Университет в Российской империи XVIII — первой половины XIX века / Под общ. ред. А.Ю.Андреева, С.И.Посохова. М., 2012. С. 450.
13. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и прием. К.Г.Боленко, Е.Э.Ляминой и Т.Ф.Нешумовой. Вступительная статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М., 1998. С. 111.
14. Дидро Д. Собрание сочинений в десяти томах. Т. X. Rossica. Произведения, относящиеся к России / Перевод, примечания и вводные очерки П.И.Люблинского; Редакция и вступительная статья А.И.Молок. М., 1947. С. 277.
15. Роджеро М. Воспитание // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под редакцией В.Ферроне и Д.Роша / Перевод с итальянского Н.Ю.Плавинской под редакцией С.Я.Карпа. М., 2003. С. 250-251.
16. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. V. М. – Л., 1950. С. 11.
17. Селезнев И.Я. Ук. соч. С. 200-201.
18. ПСЗ. Собр.2. Т. XIII. Отд.1. СПб., 1849. №22174, с. 242.

19. Кареев Н.И. Краткий очерк истории Лицея (1861-1886 гг.) // Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1886 год. СПб., 1886. С. 10.

List of literature

1. Pushkin A.S. Complete works in ten volumes. Vol. III. M. – L., 1950. p. 382.
2. Seleznev I.Ya. Historical sketch of the Imperial former Tsarskoye Selo now Alexander Lyceum for its first fiftieth anniversary, from 1811 to 1861. St. Petersburg., 1861. p. 214.
3. Annenkov P.V. Pushkin in the Alexander Era / Comp. A.I.Garusov. Minsk, 1998. pp. 46-48.
4. Znosko-Borovsky E. On the development of a worldview // Lyceum Journal. 1906. No. 5. pp. 193-194.
5. Seleznev I.Ya. Historical sketch of the Imperial former Tsarskoye Selo now Alexander Lyceum for its first fiftieth anniversary, from 1811 to 1861. St. Petersburg, 1861. p. 6.
6. The Complete Collection of laws of the Russian Empire, since 1649 (PSZ). Collection 1. Vol. XXXI. St. Petersburg, 1830. No.24325, p. 311.
7. Jaspers K. The idea of the University / Translated from German by T. V. Tyagunova ; edited by O. N. Shparag; edited by M. A. Gusakovskiy. Minsk , 2006. p. 36.
8. PSZ. Collection 1. Vol.VII. St. Petersburg, 1830. No. 4443, p. 220.
9. PSZ. Collection 1. Vol. XIV. St. Petersburg, 1830. No. 10346, pp. 285-286.
10. The Complete collection of laws of the Russian Empire, since 1649 (PSZ). Collection 1. Vol.XVIII. St. Petersburg, 1830. No. 21 498, p. 571.
11. Gottlieb A. University // The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. [Electronic resource] – Moscow: IDDK; Multimedia publishing house "Adept", 2002. - 1 electron. opt. disc (DVD-ROM).
12. University in the Russian Empire of the XVIII — first half of the XIX century / Under the general editorship of A.Yu.Andreev, S.I.Posokhova. M., 2012. p. 450.

13. Dmitriev M.A. Chapters from the memories of my life / Text preparation and acceptance by K.G.Bolenko, E.E.Lyamina and T.F.Neshumova. Introductory article by K.G. Bolenko and E.E. Lyamina. M., 1998. pp. 111.
14. Diderot D. Collected works in ten volumes. T. H. Rossica. Works related to Russia / Translation, notes and introductory essays by P.I.Lyublinsky; Editorial and introductory article by A.I.Molok. M., 1947. p. 277.
15. Rogero M. Education // The World of Enlightenment. Historical Dictionary / Edited by V.Ferrone and D.Rocha / Translated from Italian by N.Y.Plavinskaya, edited by S.Ya.Karp. M., 2003. pp. 250-251.
16. Pushkin A.S. The complete works in ten volumes. T. V. M. – L., 1950. pp. 11.
17. Seleznev I.Ya. Uk. op. pp. 200-201.
18. PSZ. Collection 2. Vol. XIII. Ed.1. St. Petersburg, 1849. No.22174, p. 242.
19. Kareev N.I. A brief sketch of the history of the Lyceum (1861-1886) // Memorial book of the Imperial Alexander Lyceum for 1886. St. Petersburg, 1886. p. 10.

© Патов Н.А., 2024 Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №12/2024.

Для цитирования: Патов Н.А. ЦАРСКОСЕЛЬСКИЙ ЛИЦЕЙ В СИСТЕМЕ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ// Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №12/2024.